

**О.М.БРИК — ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК
«РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА»*
(размышления и хроники)**

С.Ю. Преображенский

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается вопрос о переоценке роли О.М.Брика в формировании методологии «русского формализма» во всех его многочисленных теоретических и практических аспектах, анализируются итоги I и II Бриковских чтений.

Ключевые слова: «русский формализм», О.М. Брик, лингвистика стиха, дизайн, теория кино, теория коммуникации, семиотика.

2013 г. для русской филологии чрезвычайная юбилейная дата. Почти сто лет назад В.Б. Шкловский сделал в петербургском кабаре «Бродячая собака» доклад «Место футуризма в истории языка». С этого момента исчисляется история так называемого «русского формализма» — направления филологической и вообще гуманитарной мысли, изменившего методологию не только теории литературоведения, на что претендовали прежде всего сами «формалисты», но и заложившего основы структурно-семиотического искусствознания.

Уже в 1935 г. Р. Якобсон имел все основания написать: «Формальная школа... внесла больше всего новых идей в русскую историю литературы и фольклористику, в общее литературоведение и общее языкознание и, наконец, в теорию искусства... а также в тот широкий круг... проблем, который сейчас называют „филоσοфия знака“... или „семиотика“...» [5. С. 11].

Для родной страны опоязовцы и эмэлковцы недолго были авангардом революционной мысли, однако это не отменяет того факта, что 1919—1921 гг. в МЛК и в дальнейшем в ЛЕФе и «Новом ЛЕФе» они вели себя как настоящие диктаторы и узурпаторы истины.

Позднее оказалось, что те, кто меньше мил на родине, лучше представляют новые методы за границей. В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов к 1929 г. практически отошли от теоретической деятельности, Б.М. Эйхенбаум радикально сменил сферу интересов, все больше погружаясь в биографический метод, Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский искали себя в узкоспециальных областях (однако строили новое стиховедение), Л.П. Якубинский рано и надолго стал последователем Н.Я. Марра, В.В. Виноградов сам себя никогда «формалистом» не считал и в итоге стал оппонентом Р.О.Якобсона (как, впрочем, и В.Б. Шкловский).

---

* Рец.: д.ф.н. доц. Л.Н. Лунькова (МГОСГИ, г. Коломна); к.ф.н., доц. Л.В. Кривошлыкова (РУДН).

За границей триумфальное шествие новых методов продолжалось. Перевели на чешский и немецкий языки «евангелие» нового литературоведения «О теории прозы» В.Б. Шкловского (потому что в Праге Р. Якобсон внушал Я. Мукаржовскому и другим активным участникам ПЛК, что русские новаторы несут некое сакральное филологическое знание); публикация «Основ фонологии» Н.С. Трубецкого и вынужденный переезд Р. Якобсона за океан, последующее его сотрудничество с К. Леви-Стросом, маститым Э. Кассирером подняли «русский формализм» на новый международный уровень.

Собственно, сами участники этого движения, как граждане Советской России, так и граждане мира, всерьез не считали термин «формализм» пригодным для описания существа их новых методов. Напротив, Б.М. Эйхенбаум подчеркивал, что правильно было бы говорить о «морфологизме», О.М. Брик издевался над тем, что много лет спустя В.П. Григорьев назвал ликеро-водочной эстетикой, над представлением о том, что некую форму можно по произволу наполнять разноконсистентным содержанием, над архаическими взглядами, противоречащими основным положениям семиотики и теории коммуникации, в частности, концепции асимметрии знака.

Ярлык «формализм» приклеили оппонентам «марксистские» литературоведы, вульгаризаторы гегелевской эстетики, усвоившие, что метод политического клейма в ином контексте действеннее научной полемики.

Добровольно принятая почти оскорбительная кличка Р. Якобсоном в Чехии стала использоваться как бренд. То, что ни в коем случае не могло быть «формализмом» по существу, стало «формализмом» по форме. Название окончательно утвердилось в истории науки после выхода сочинения В. Эрлиха, где подробно излагалась история и система взглядов тех, кто, по представлению автора, составлял ядро «формальной школы» «до 1955 г... практически неизвестной на Западе» [4. С. 11].

Если условное название никого уже не смущает, то некоторые исторические несправедливости начинают потихоньку выправляться лишь сейчас. Массовым читательским сознанием О.М. Брик воспринимается и поныне как фактический муж Л.Ю. Брик, то ли друг, то ли «злой гений» В. Маяковского и третья сторона баснословного треугольника. Между тем для развития теории и практики самых разнообразных (но всегда новых, требующих недюжинной изобретательности, остроты ума, то бишь пресловутой креативности) направлений гуманитарной деятельности О.М. Брик сделал немало, однако зачастую он выступал в роли «генератора идей», именно это свойство, а также отсутствие всякого честолюбия, особенно заметное на фоне такого окружения (В. Маяковский, В. Шкловский, Р. Якобсон, младшие члены МЛК вроде М. Кенигсберга), и породило суждение, сделавшееся общим местом: «Брик не давал себе труда развить и зафиксировать свои идеи» [4. С. 67]. То есть был одним из самых незаметных и не реализовавшихся «русских формалистов».

Это плохо вяжется с тем фактом, что О.М. Брик во многих областях оказывался начинателем, а порой и лидером, вождем (для левовцев). Примечателен, скажем,

факт: в посвященном в значительной степени теории кино в «русском формализме» постмодернистском опусе Я. Левченко [2] О.М. Брик отмечен одной библиографической сноской и практически полным отсутствием в самом тексте «другой науки». А О. Брик был писателем, публицистом, филологом, лингвистом-стиховедом, киносценаристом, организатором художественно-полиграфического образования в Москве, теоретиком кино, театра, танца и ритмического движения, фотографии, производственного искусства (то бишь дизайна) и даже рекламы и массовых коммуникаций.

Первая биография О. Брика, написанная исследователем его творчества из Астаны А.В. Валюженичем [1], хотя и тут же стала библиографической редкостью, для широкого круга историков отечественной филологии и литературы прошла как бы незамеченной. Однако с течением времени становится ясно, что многие направления, в которых новаторствовал О.М. Брик в 20—30-е гг. прошлого века, сегодня стали самыми актуальными не только в русской, но и мировой социокультурной реальности. Интерес к творческому наследию О. Брика спонтанно возник не только у филологов, но и представителей других областей культуры всех уровней — от профессоров до студентов. Пришло время заняться воскрешением якобы не оставленного наследия.

На волне растущего интереса к наследию Брика в 2010 г. Московский государственный университет печати (МГУП) при участии Российской академии наук организовал научную конференцию «Первые Бриковские чтения: Поэтика и фоностистика», вдохновителем был профессор МГУП Г.В. Векшин. Ведь О. Брик для Университета печати «не чужой»: в 1921 г. Осип Максимович участвовал в основании ВХУТЕИНа — Высшего художественно-технического института, прямого предшественника МГУП.

Конференция стала крупнейшим международным форумом, где прозвучали 74 доклада ученых из 10 стран — США, Италии, Франции, Германии, Голландии, Швеции и др., из многих городов и научных центров России. Говорили о проблемах лингвистики текста, поэтики, авангардных течениях в поэзии, прозе, архитектуре, фотографии, об особенностях журнального и книжного дела 20-х гг., о традициях и влиянии идей формальной школы и идей производственного искусства на современную науку и практику масс-медиа. И, естественно, о творчестве О.М. Брика, прежде всего как теоретика стиха и идеолога конструктивизма.

Почетными гостями конференции стали первый биограф О. Брика и собиратель его архива А.В. Валюженич (Астана) и крупный исследователь биографии и творчества В. Маяковского Б. Янгфельдт (Стокгольм).

В том же году по итогам конференции в издательстве МГУП им. Ивана Федорова вышел представительный «Бриковский сборник» [3], в который вошли, помимо докладов, работы О. Брика и уникальные архивные фотоматериалы. Интерес, проявленный к сборнику специалистами в России и за рубежом, показал, что проект весьма важен и актуален и требует продолжения. Это продолжение и состоялось в марте 2013 г.

Вторые Бриковские чтения стали еще более масштабным событием, чем первые, и были посвящены более широкому кругу проблем. В них приняли участие

более 100 филологов, искусство- и киноведов, историков и теоретиков культуры русского авангарда, специалистов по визуальности, теории ритма и ритмического движения, исследователей рекламы и коммуникативных технологий масс-медиа, издательского дела, фотографии и типографики из 20 стран мира.

Конференцию открыли в Шаляпинском зале МГУП ректора МГУП К. Антипов и А. Валуженич. Там же прошло пленарное заседание, на котором прозвучали доклады С. Гиндина (РГГУ) о методических расхождениях двух поколений основателей русского стиховедения; С. Кормилова (МГУ) — о критических работах Ю. Тынянова и С. Эйхенбаума; Х. Барана (Олбани, США) — о Романе Якобсоне как хранителе памяти; А. Хенни (Берлин) — о постформалистской теории стиля И. Йоффе, М. Акимовой (МГУ) — о реализации идей О. Брика за пределами «Нового Лефа», С. Ляпина (Санкт-Петербург) и И. Пильщикова (Таллин) — о переводоведческих замечаниях О. Брика.

Дальнейшая работа конференции проходила на трех «площадках»: в двух зданиях МГУП и в Библиотеке киноискусства им. С. Эйзенштейна и была распределена по восьми секциям: «Методологическое наследие формальной школы и современные гуманитарные исследования»; «Повтор, грамматика, ритм: формы взаимодействия»; «Социальный заказ и прагматика медиадискурса. Речевые технологии масс-медиа»; «Словесное искусство как практика русского формализма»; «Поэтика слова и изображения»; «Творческое наследие О.М. Брика: проблемы издания и научного комментирования»; «Художественная практика и творческие проекты русского формализма и конструктивизма»; «Кинематограф, сцена и движение в практике русского формализма».

Многие сообщения касались мало разработанных, а то и вовсе неразработанных вопросов. Такими были доклад И. Смирнова (Констанц) об антиформализме советского кино; В. Фещенко (ИЯ РАН) — о творческих взаимоотношениях В. Шкловского и И. Зданевича; И. Сироткиной (Москва, Институт истории естествознания) — на тему «О. Брик и танец». Г. Векшин (МГУП) сопоставил ошибки в детской речи со звуковой организацией стиха; С. Преображенский (РУДН) познакомил аудиторию с материалами из архива литературоведа И.Н. Розанова, касающимися О. Брика и Московского лингвистического кружка. Е. Кукушкина (МГУП) проследила связь фамилии «Маяковский» с понятием «маяк»; А. Кретов (Воронеж, ВГУ) изложил оригинальные соображения о прозе Д. Хармса; М Дзюбенко (Москва) рассказал о забытом стиховеле А. Николаеве и его полемике с М. Шапиром.

В секции «Социальный заказ и прагматика медиадискурса. Речевые технологии масс-медиа» особый интерес вызвали сообщения «Речевой портрет современной медиаличности (Т. Маркелова, МГУП), «Заказные новости»: тактики дезинформации в СМИ» (А. Шакурова, Пресс-служба МВД РБ; МГУП), «Эстетическая функция языка в «мини-жанрах СМИ» (Е. Ремчукова, РУДН), «Саунд как медийный параметр поэзии» (Н. Азарова, ИЯ РАН).

Конференция достойно завершилась прошедшим в Литературном музее вечером памяти исследователя русского авангарда В.Ф. Маркова. Своими воспоминаниями о замечательном американском филологе русского происхождения поделились А. Парнис, Х. Баран, Р. Вроон, Е. Белодубровский и Н. Перцов.

Стоит упомянуть также проведенные в рамках конференции кинопоказы. В Библиотеке киноискусства и МГУП демонстрировались фильмы «Два-Бульди-два» (1929) и «Потомок Чингисхана» (1928), в которых в качестве сценариста выступил О. Брик, а также фильм режиссуры Л. Брик «Стеклянный глаз».

В настоящее время по итогам конференции готовится издание второго выпуска «Бриковского сборника».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Валуженич А.* Осип Максимович Брик. Материалы к биографии. — Акмола: Нива, 1993.
- [2] *Левченко Я.* Другая наука: русские формалисты в поисках биографии. — М.: Изд-во ВШЭ, 2012.
- [3] Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. — Вып. 1. — М.: МГУП, 2010.
- [4] *Эрлих В.* Русский формализм: история и теория. — СПб.: Академический проект, 1996.
- [5] *Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение. — М.: Языки славянских культур, 2011.

O.M. BRIK AS AN IDEOLOGIST AND EMPIRIC OF “RUSSIAN FORMALISM” (Speculations and Chronicles)

S.Yu. Preobrazhensky

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article touches upon a reevaluation of O. Brik's role in the forming of “Russian formalism” methods in all its numerous theoretical and practical aspects. It also includes the analysis of the results of two scientific conferences: *Osip Brik International Colloquium-I* and *Osip Brik International Colloquium-II*.

Key words: “Russian formalism”, O.M. Brik, linguistics of verse, design, theory of film, theory of communication, semiotics.

REFERENCES

- [1] *Valuzhenich A.* Osip Maksimovich Brik. Materialy k biografii. — Akmola: Niva, 1993.
- [2] *Levchenko Ya.* Drugaya nauka: russskiye formalisty v poiskakh biografii. — M.: Izd-vo VSHE, 2012.
- [3] *Erlikh V.* Russkiy formalizm: istoriya i teoriya. — SPb: Akademicheskij proyekt, 1996.
- [4] Poetika i fonostilistika: Brikovskiy sbornik. — Vyp. 1. — M.: MGUP, 2010.
- [5] *Jackobson R.* Formalnaya shola i sovremennoye russkoye literaturovedeniye. — M.: Yaziki slavyanskikh kultur, 2011.